

В. БРИЗ
М. ЕНГАЛЫЧЕВ

ТАРИКАТ

Виталий Бриз

Тарикат

«Автор»

2024

Бриз В.

Тарикат / В. Бриз — «Автор», 2024

Меня зовут Нурислам аль-Мисбах, что означает «обретённый свет ислама». Это имя избавило меня от рабского ошейника, но не смогло оградить от дальнейших превратностей судьбы. Теперь я – наемный убийца. Безумный старик, моя первая жертва, на последнем издыхании передал мне засохшую косточку хурмы, назвав ее даром Всевышнего. Она стоила мне жизни. Я очнулся в старой заброшенной могиле на краю пустынного оазиса – едва живой и утративший память. Всё, что у меня осталось, – та самая злополучная косточка хурмы. Моя единственная надежда снова обрести себя...

© Бриз В., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	26
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Виталий Бриз, Миртемир Енгальчев

Тарикат

Глава 1

12-й год Хиджры[1]

Во имя Аллаха Милостивого и Милосердного.

Меня зовут Нурислам аль-Мисбах, что означает «обретенный свет Ислама», и, хотя я еще помню свое прежнее имя, но теперь хотел бы его забыть. То имя было чужим, и говорило лишь о том, что я останусь рабом до скончания веков. Моя мать была рабыней богатого мединского купца, они называли ее Абда, и настоящего ее имени я не знаю. Как не знаю и имени своего отца, и даже того, родился ли я в Медине, или же мою мать продали в рабство уже вместе с ребенком.

Моя мать была болезненной, годы тяжелого труда изнурили ее слабое тело, и однажды, почувствовав приближение смерти, она приняла решение. Все дело в том, что к тому времени мне исполнилось восемь лет, и хозяин дома решил готовить меня в евнухи своего гарема. Моя мать, измученная подневольным трудом, покорная и молчаливая, вдруг взбунтовалась. Я был ее единственным сыном и единственным близким человеком, и сама мысль о том, что я буду искалечен чужой злой волей, лишила ее сна. И тогда кто-то из слуг или пришлых торговцев шепнул ей, что один добрый человек выкупает из рабства тех, кто примет ислам.

Наша жизнь проходила в доме, окруженном высокой глиняной стеной. Я не помню, чтобы когда-нибудь выходил в город. И, конечно, мы знать не знали, что существует какое-то слово, освобождающее рабов. Но тот же добрый человек обещал матери, что сам переговорит о нашей судьбе и потом передаст решение.

Через несколько дней он вернулся и ночью провел какой-то обряд, пошептал что-то, передал ей кусочек шелка с письменами, и велел предъявить его тому, кто придет за нами. «Считайте себя свободными», – сказал он на прощание. Так и случилось.

Однажды в доме появился человек – опрятно одетый во все белое, с рыжеватой бородой и связкой бус в руке. Когда нас обоих позвали к хозяину, матушка, увидев незнакомца, разрыдалась, почему-то решив, что нас перепродают другому господину. И вправду, человек этот заявил, что покупает нас обоих, и даже начертил палочкой, испачканной чем-то черным, знаки на толстой белой пластине, которую здесь называют варак, что означает «лист дерева», но им не является. После этого он предложил нам собираться и идти с ним. Но что нам собирать, мы ничего не имели и могли унести только то, что было на нас надето – рабские лохмотья.

Тогда я впервые попал на шумные улицы Медины...

Я сижу в комнате за низеньким столом. Горит масляная лампа. Резная створка окна открыта в ночной сад, из которого не раздается ни звука. Тяжелая жаркая ночь после знойного дня. Лампа затенена тонкой доской с вырезанными изображениями восьмиконечных звезд, их слабые, подсвеченные огнем силуэты, ложатся на неровную беленую стену прямо над ложем моего учителя. Но даже этот свет слишком ярок для его усталых глаз. Я уже потерял счет этим ночам, которые провожу в одиночестве, прислушиваясь к слабому дыханию больного, и позволяю себе уснуть лишь на мгновение, когда измученная моя душа требует забытья. Но не получаю желанного отдыха, и снова пытаюсь писать, чтобы заполнить пустоту ума и дать работу рукам. Но теперь эта работа перестала приносить мне радость. Я знаю, что должен переписывать Куран снова и снова, пока эта священная книга не окажется у каждого, кто выбрал свой путь. Но сегодня я трижды беру калам и снова кладу его на стол, и предаюсь своим мыслям,

потому что невольные слезы застилают мои глаза и не дают увидеть строки. Но я знаю, что последние написанные мной слова на этом листке таковы: «Он Тот, кто сотворил вас из глины, и определил для каждого срок жизни». Я понимаю это, но никак не могу смириться. Не хочу смириться, хотя это похоже на бунт против Аллаха. Но мне слишком мало лет, я еще ничтожнейшее существо из живущих. И поэтому не могу принять неизбежное.

...Тогда я впервые попал на шумные улицы Медины. Новый хозяин привел нас в большой дом, где было много женщин и детей. Мужчины тоже были, но они располагались в другой половине. Дом этот напоминал временное пристанище для тех, у кого нет своего жилья. В первые дни я только ел и спал, и никак не мог почувствовать себя отдохнувшим после сильного потрясения. А через неделю мою мать завернули в белую ткань и положили на табут[2]. Когда ее унесли, я понял, что остался один, несмотря на множество людей вокруг, которые продолжали обо мне заботиться.

Еще через несколько дней меня позвали на мужскую половину, где старик с пергаментной кожей и большой белой бородой показал мне книгу и спросил, умею ли я читать. Такие закорючки и линии я уже видел не раз. И на стенах домов, и на черной доске в кухне, где повар того богатого дома для чего-то их рисовал каждый день. Но я не понимал, для чего он это делал, хотя и находил рисунки красивыми. Поэтому я просто промолчал, и он снова меня спросил: «Ты хочешь научиться читать?» Я только кивнул, потому что старик, по-видимому, предлагал мне научиться разбирать эти рисунки, а это означало, что они кроме красоты имеют и другой, тайный смысл. Именно в тот день я вдруг понял, что в мире, кроме того, что я вижу и слышу сам, существует и еще что-то, чему нужно учиться.

В доме на мужской половине была одна просторная комната, которую называли медресе. Каждое утро надлежало туда являться и несколько часов проводить там за изучением чтения и письма. Со мной учились еще пять мальчиков разного возраста.

Не могу передать своей радости, когда я понял, что красивые закорючки на самом деле слова. И любой человек может записать свои мысли и передать их другому, любому, кого даже не знает.

Чтение и письмо перемежались молитвами и подвижными играми на свежем воздухе. Кроме того, нам прививали любовь к чистоте и опрятности. Я оказался в другом мире, где было место не только монотонной тяжелой работе, но и простору для размышлений, учебе и развлечениям и, самое главное, к осознанию всеобъемлющей любви Аллаха к своим созданиям.

Я смотрю в окно. Теперь на черном бархатном небе видна звезда. Маленькие звезды есть всегда, а вот эта – огромная, словно бы двойная – появляется в это время года всегда в один и тот же час. Не очень давно мы с учителем посетили викалу[3], где остановились пришедшие с караваном торговые люди. Он выбирал скромные повседневные вещи для самых бедных мусульманских семей: толстую простую ткань, из которой шьют нижние рубашки, шелковистую – на платья для женщин, и пестрые платки. Но караванщики привозили не только вещи и драгоценности, они везли также и удивительные рассказы о других странах, и новости, и даже книги на неизвестных языках, которые потом специальные люди переписывали по-арабски.

В тот день, ожидая пока учитель закончит все дела, я начал откровенно скучать. Устав от впечатлений, от пестроты выставленных товаров, но по какой-то природной скромности я не решался присесть на расстеленные по всему двору ковры. Поэтому просто прислонился к резному столбу, поддерживающему навес. И тут услышал разговор. Один из караванщиков рассказывал о том, что все наши жизни подчинены движению светил в небе. И что каждая звезда, на самом деле, это мир. Точно такой же как наш. Его рассказ казался таким странным и захватывающим, что я забыл обо всем на свете, и даже не заметил, что рядом стоит учитель. Обер-

нувшись, я понял по его лицу, что он не впервые слышит об этом, и даже кивает, соглашаясь с тем или иным словом. Всегда оказывалось, что он знает больше, чем я могу предположить.

Когда мы уходили, он вложил мне в руку подарок. Специально купленные для меня четки – связку крупных бусин, нанизанных на шелковую нить, переходящую в пышную кисточку в месте соединения. Бусины были выточены из какого-то зеленоватого камня с темными прожилками и довольно тяжелые.

– Перебирай их во время молитвы, – сказал учитель. – Так ты будешь знать счет словам и понимать их ценность, а руки твои не будут пребывать в праздности, напоминая, что кроме небесного, есть еще и земное.

Я смотрю в окно. И яркая двойная звезда напоминает мне о том дне. И четки – вот они лежат на столе, отполированные моими пальцами. И тускло блестят в свете лампы. А мои руки помнят их вес и ощущение от прикосновений, а уши помнят легкий стук передвигаемых бусин. И это обыденность. А звезда – она как была далекой и непостижимой, такой и остается. И поэтому я не могу понять, почему человеческая жизнь может зависеть от этого холодного светила, чуждого моей душе?

...к осознанию всеобъемлющей любви Аллаха к своим созданиям. Так прошел год. Я быстро постигал науку чтения и письма. И вскоре мог сходу записать без ошибок любую фразу наставника. Думаю, что стал лучшим учеником в медресе, но там было не принято возносить кого-то над другими. И поэтому мне и сейчас трудно понять, за какие заслуги меня отвели в дом будущего халифа Медины. Я помню то утро. Наставник разбудил меня, сам умыл меня, жестко растерев кожу лица натруженными шершавыми руками и сам помог одеться с особым тщанием. На все мои вопросы он не отвечал лишь отмахивался, но было видно, что он просто сияет от радости.

Мы прошли по бедным глухим улочкам, огороженным по обеим сторонам высокими глиняными стенами. Люди не любят, когда любопытные смотрят с улицы на их жизнь. Ни одно окошко не выходило на улицу, но за стенами виднелись кроны деревьев и крыши домов – иногда повыше, иногда пониже. Над резными деревянными калитками часто была достроена еще одна комната, но и ее окна выходили во двор.

Мы проделали долгий путь и, наконец, вышли к строящейся мечети Ан-Набави, будущему месту захоронения великих мужей Ислама. Но ее стены еще не поднялись настолько, чтобы скрыть черный куб, как мне объяснил наставник – точное, но маленькое повторение Каабы, что находится в Мекке. В настоящей Каабе был скрыт небесный камень, и когда-то возле нее молился пророк Ибрагим. Для здешних мусульман это было временное святилище и внутри был заключен аль-Куран, а не камень. Не знаю, была ли необходимость строить здесь вторую Каабу, но Пророк Мухаммад всегда хранил в своем сердце частицу родной Мекки и пожелал иметь вот такое напоминание о своей молодости и о том дне, когда он пережил одно из самых ярких своих видений. Он же и руководил работами по строительству мечети.

– Возможно, когда-то ты увидишь Пророка, – утешил наставник, заметив мое любопытство. – Иногда он приходит прямо сюда.

И мы направились через базарную площадь к огромному строению из грубо обработанного камня. В этом доме я и должен был поселиться.

Двери нам открыл охранник, и на вопрос наставника ответил:

– Господин ждет вас.

Нас провели по длинным коридорам в просторную комнату с традиционными нишами в стенах, где вместо металлических кувшинов и глиняной посуды громоздились горы пожелтевших свитков и книг. Тут же стояли несколько столиков с письменными принадлежностями и

пара резных ширм из драгоценного палисандра, выставленных словно для украшения простой белой стены. «Этот человек богат, раз имеет такой большой дом, – подумал я. – Но почему же тогда здесь нет ни сводчатого цветного потолка, ни позолоты, ни росписи, как принято в других богатых домах?»

Так размышляя, я не заметил, что в комнате появился очень худой и сутулый человек с глубокими, будто бы горящими, глазами. Его седая аккуратная борода была почти одного цвета со светлой кожей лица. Приложив ладонь к груди, он произнес приветствие. Мы с наставником ответили вразнобой. Тогда человек обратился ко мне:

– Ты знаешь меня? Мое имя Абу Бакр.

Я вспомнил своего товарища по медресе – Бакра, и простодушно спросил:

– Ты – папа Бакра?

В его глазах сверкнули искорки, и он тихо рассмеялся.

– У меня нет сына по имени Бакр. Но мои родители думали, что он непременно будет, поэтому меня так и называли. Но до сих пор ни одного своего сына я так и не назвал Бакром. А как зовут тебя?

– Абд-аль-Фарид, – быстро ответил за меня наставник.

Я резко повернулся к нему и ожег недовольным взглядом. Абу Бакр заметил мое движение:

– Почему тебе не нравится твое имя? – спросил он.

– Это не мое имя, господин, – ответил я. – Это имя того человека, рабом которого я был. «Раб Фарида» – вот, что оно означает. Когда-то у меня было свое имя, но я его не помню.

– Да, «абд» это раб, – согласился халиф. – Но мое второе имя, данное мне Пророком, да продлятся его дни, – Абдаллах.

– Я хотел бы быть рабом Аллаха, но не желаю быть рабом человека! – выпалил я с горечью, и тут же спохватился, решив, что ответил совсем уж невежливо. К тому же, наставник очень чувствительно наступил мне на ногу, дабы прекратить дерзкие речи.

Но мне показалось, что такой ответ Абу Бакру понравился.

– Что ж, – сказал он, – имя поменять нетрудно. Гораздо труднее дорасти до него. Ты умеешь читать и писать?

– Он мой лучший ученик, – заверил наставник.

– Я беру его, – сказал халиф. – Мне нужны переписчики Курана, много переписчиков. И даже если ты не обучил его всему, я буду учить его сам.

С тех пор я и остался в его доме. И хотя все называли его Аль-Сиддик, что означает – «правдивый», я обращался к нему по-другому. Я называл его «муаллим» – учитель. И это скромное обращение было для него ценнее, чем сотни пышных титулов.

Я знал, что муаллим был другом Пророка, но, к сожалению, сам я никогда с Посланником так и не встретился. К тому времени он уже был тяжело болен и почти не выходил из дома.

Но только сейчас, в эту душную ночь, я вдруг вынырываю из своего туманного детства и понимаю, что не полностью воспользовался своим счастьем в эти три года. Понимаю, что с трудным дыханием больного задыхается и целый мир, тот мир, о котором будут помнить веками, но никогда-никогда не смогут его воскресить. Будут другие люди, другие последователи, передающие благоуханный цветок веры из рук в руки. Будут и те, кто пожелает искажать учение Пророка к своей выгоде. Но начальные времена получения истины из первых рук никогда уже не повторятся. Почему я не был настойчив? Почему не упросил муаллима отвести меня к Пророку, дабы получить благословение из его рук? И почему я не был настолько внимателен к словам самого учителя? Ведь, как часто, вместо того чтобы слушать его каждое

слово, я замирал, глядя в окно на какую-то птицу, которая вдруг привлекла мое внимание. Вот так сиюминутный интерес к чему-то пустому и незначущему, лишает нас иногда драгоценной крупницы познания.

Но учитель ни разу меня за это не отругал. Наоборот, он часто приносил и дарил мне всякие забавные вещицы, привезенные караванщиками из дальних стран. И сам смеялся как ребенок, наблюдая за тем, как длинноногая птичка с прозрачным животом наклоняется к чашке с водой, будто бы пьет. Или вдруг подносил к губам глиняную свистульку в форме верблюда и оглушительно свистел на весь дом. Он утверждал, что «дитя – это радость Аллаха. Люди говорят: “родился ребенок – пришел новый гость в дом”. А гостю положено давать все самое лучшее. Поэтому целых двенадцать лет дитя живет гостем. И только потом становится хозяином».

Но я был к себе гораздо строже, и всякий раз после каждого, как мне казалось, легкомысленного поступка, корил себя за это. И, заметив мое подавленное состояние, учитель рассказал мне известный хадис[4] о своей дочери Аише и крылатой лошади:

«Однажды Аиша играла со своими куклами. И вдруг в ее комнату зашел Пророк.

– Что это? – спросил он, указывая на кукол.

– Мои куклы, – ответила Аиша.

– А кто это в середине?

– Лошадь.

– А что у нее на спине?

– Крылья.

– Лошадь с крыльями? – удивился Пророк.

– Разве ты не знаешь о том, что у Сулеймана[5] сына Дауда, была лошадь с крыльями? – спросила Аиша.

Посланник Аллаха рассмеялся так, что стали видны его коренные зубы».

Аллах не запрещает игры и развлечения, – добавил учитель.

И тем самым снял огромную тяжесть с моей души. Потому что теперь я мог сам выбирать – стремиться ли к истине или терять время в пустых развлечениях, мой выбор уже не зависел от Аллаха, а только от меня самого.

И я прилежно учился, часто забывая даже поесть, и отходил от книги только тогда, когда уже совсем темнело и глаза начинали болеть от напряжения. Я перечитал все книги, какие только обнаружил в доме Абу Бакра. И это были труды не только арабских мыслителей, но и переводы книг и свитков, привезенных из дальних стран. Но несмотря на прилежание, в силу своего возраста я не мог упорядочить полученные знания, и они оставались в памяти лишь обрывками сведений. Многое я просто не мог понять, но за разъяснениями ни к кому не обращался из страха быть уличенным. В чем? Не знаю, но думалось мне, что я делаю что-то не совсем правильное. Но пусть Аллах простит меня за это, ведь он сам определил время труда и время отдыха. А каждый отдыхает так, как ему больше нравится. Но иногда силы покидали меня, и тогда я просто замирал, невидящими глазами глядя в пространство. Помню, что в тот период я плохо спал, и между сном и явью меня посещали таинственные видения. А потом Пророк покинул наш мир, и Медина для меня опустела. Если я еще надеялся когда-то увидеть его, то теперь моим надеждам пришел конец.

Абу Бакр был назначен халифом. И это он объявил по всей Медине трехдневный траур в соответствии с поучениями Пророка. И велел соблюдать приличия – не рыдать в голос, не рвать на себе одежды, потому что это – обычай неверных. В доме тоже был объявлен траур, запрещены любые работы. И чтобы домочадцы не совершили харам[6], и не поддались чувствам, решено было собрать всех вместе в комнате муаллима и вспоминать Пророка с радостью. Три дня учитель толковал суры[7], рассказывал хадисы и притчи. И вспоминал то, что довелось ему пережить вместе с Пророком. Это были спокойные дни, слегка окрашенные печалью. Но и в печали, как повелел Посланник Аллаха, люди должны обретать радость.

До сих пор я помню рассказ учителя о том, как Пророк произнес свою первую проповедь. Это случилось за три года до Хиджры. История не стала хадисом, хотя мы знаем содержание этой первой пятничной проповеди, но в записях не осталось рассказа о том, как это произошло.

Абу Бакр рассказал ее просто как ближайший друг и обычный человек. В тот день он решил зайти в гости к Мухаммаду, и почти возле его дома заметил большое скопление людей.

«Там были люди всех возрастов – и старцы, и дети. Я увидел в центре толпы Мухаммада, он был одет в чистую белую одежду, которую с недавних пор носил только по пятницам. Он всегда утверждал, что Аллах любит белый цвет. Поэтому на фоне разномастной толпы он сильно выделялся, и взгляд любого невольно обращался к нему. Я заметил, что его огромные глаза обращены к небу, и правая рука его тоже поднята в верх и словно бы указывает на что-то невидимое человеческому взору. Он громко говорил, то возвышая голос, то понижая его. И не обращал никакого внимания на тех, кто смеялся над его словами или кричал что-то непристойное. А таких было немало. Но были и те, кто внимательно слушал, впитывая каждое слово.

Когда я пригляделся внимательнее, то понял, что Пророк пребывает в каком-то другом мире. Такое с ним случалось во время тех откровений, которые он получал. В эти моменты он словно исчезал от всего сущего и беседовал с ангелами. В эти минуты он никого не узнавал и странным образом преображался. Так было и в этот раз. Но всегда, где бы такое состояние его не настигало, рядом находился кто-то из своих. Чаще всего Хадиджа, которая в эти минуты охраняла его от любой опасности и лихих людей. Только на ее голос он мог отозваться и только ее руку почувствовать в своей.

Но сейчас он был совершенно один. И, испугавшись за его жизнь, я направился к дому, чтобы привести кого-то из близких.

Калитка была приоткрыта, и войдя, я сразу же увидел Хадиджу, которая во дворе пекла тонкие лепешки. Перед ней стоял над углями перевернутый казан, а темные натруженные руки присыпаны мукой.

– Эй, Хадиджа, – крикнул я, от волнения позабыв обычное приветствие. – Твой муж на улице смущает народ. Он что – решил стать факиром?

Хадиджа подняла на меня глаза и произнесла:

– Ас-салям алейкум!

– Ва алейкум ас-салям! – ответил я, не обратив внимания на то, что первым должен здороваться вошедший. Мне было не до того.

– Что с моим мужем? – спросила она, не выказав ни малейшего волнения. – Где он?

– Возле дома. Но я боюсь за него.

Она предложила мне присесть, указав на глинобитное возвышение, застеленное ковром.

– Но, Мухаммад... – начал было я.

– Он сейчас вернется, – ответила она безмятежно.

И, действительно, через какое-то время скрипнула калитка.

– Аба Бакр! – радостно вскричал Мухаммад.

Он был необычайно оживлен. Огромные глаза сияли, он постоянно шутил и громко смеялся.

На голос отца из дома выбежала Фатима. Он подхватил ее, подбросил вверх и усадил рядом с собой. Хадиджа невозмутимо продолжала печь лепешки к обеду. И тогда я решился спросить Посланника Аллаха о его публичной проповеди. Ведь до сих пор он проповедовал только для своих, и никогда не пытался обратить в ислам посторонних.

Мухаммад ответил незамедлительно и открыто:

– Дело в том, друг мой, что я теперь – истинный пророк. Было мне сегодня ночью видение. Привиделось мне, что лежу я во дворе мечети, прислонившись спиной к Каабе. И вдруг появляется передо мной Джибриль. А потом я вскочил на Бурака...

– Ты купил лошадь? – удивился я.

Мухаммад опять рассмеялся.

– Его привел Джибриль. И мы полетели в Иерусалим.

– Полетели?

– Да, у него есть крылья – два крыла. Ведь Иерусалим далеко, а нужно было успеть до утра. И там Джибриль провел меня через семь небес. Я встретил пророков Адама, Ису, Ибрахима, Мусу, Яхью, Харуна, Юсуфа, Идриса и провел с ними общую молитву. Я руководил этой молитвой. И сказали мне, что я буду последним пророком на земле и так пророчество закончится.

– А что было потом?

– Потом передо мной снова появился Джибриль. И были у него в руках две чаши – одна с молоком, а вторая с вином. Я выбрал молоко и снова вознесся на небеса, где ангелы вынули мое сердце и омыли его, сделав чистым на веки веков.

Эту историю я потом слышал много раз, и Пророк никогда не менял в ней ни слова, но люди все равно не верили ему. И тогда я решил проверить его правдивость и попросил описать мне Иерусалим, потому что я уже там бывал. Он описал все в точности. Я сказал: «Ты говоришь верно. Я свидетельствую, что ты – Посланник Аллаха». И с тех пор всегда свидетельствовал, что Пророк говорит правду. И за это мне присвоили имя Аль-Сиддик, что означает «правдивейший».

Абу Бакр умолк, словно вновь переживая все, что случилось. А потом вдруг обратился ко мне:

– Нурислам, помнишь ли ты первый аят[8] семнадцатой суры?

Я взволнованно вскочил и, боясь ошибиться при таком скоплении людей, медленно произнес, четко выделяя каждое слово:

– Восславим Аллаха и превознесем Его величие, отвергая от Него все, что не подобает Ему! Это – Он, кто содействовал рабу Своему Мухаммаду совершить путешествие из Неприкосновенной мечети в Мекке в мечеть "отдаленнейшую" в Иерусалиме, где Мы даровали благословенный удел жителям ее окрестностей, чтобы показать ему путем наших знамений, что Бог один и Он Всемогущ. Поистине, Аллах Единый – Всеслышающий и Всевидящий!

Это было восхваление Бурака. Коня или мула с крыльями, который принял немалое участие в том ночном путешествии Пророка. Потому что истинный мусульманин знает, что к Аллаху обращены все – люди, животные, солнце, небо, растения. Все, что живет и произрастает, все, что есть и будет во веки веков. Ведь даже маленький воробей, обиженный человеком, может воззвать к Аллаху и просить у него помощи. «Все животные на земле и птицы, летающие на двух крыльях, – всего лишь подобные вам сообщества».

Мухаммада похоронили в «комнате Аиши» – пристройке в задней части мечети Ан-Набави. С тех пор это помещение стали называть Худжра ас-Саада – «Комната счастья». Потому что каждый, кто посещал прах Пророка, испытывал счастье, а не скорбь.

Из окна тянет прохладой, скоро рассвет. Масло в лампе почти выгорело, и огонек стал совсем маленьким и синюшным. Я размышляю на том, стоит ли заправлять лампу заново или уже дожидаться восхода солнца.

И тут я слышу, что учитель зовет меня, он очнулся и внятно произносит мое имя. И хотя он говорит очень тихо, я вздрагиваю, словно меня застали за чем-то неприглядным. А ведь и правда – вместо того, чтобы заниматься перепиской, я всю ночь проблуждал в воспоминаниях. Но я рад, что учитель очнулся, ведь он уже два дня не приходил в сознание.

Зато теперь можно отвлечься от мыслей о лампе и просто-напросто налить в нее масло. В комнате совсем темно.

Я подхожу к больному:

– Муаллим, подать воды?

И не дожидаясь ответа, приподнимаю его голову и подношу к губам глиняную чашку с подсахаренной водой. Учитель делает несколько глотков и откидывается на подушку. Он очень исхудал и кажется меньше ростом, и необыкновенные, красивые черты его лица кажутся вырезанными из слоновой кости.

– Нурислам, – снова говорит он, – я много думал о том, что будет с тобой после моей смерти. Ты еще ребенок, и несмотря на тяжелое детство, не знаешь, что жизнь бывает очень суровой. Дети воспринимают каждый день как вечность, а старики не успевают подняться с постели, как уже снова пора ложиться спать. Время несется вскачь все быстрее и быстрее, и поэтому ребенка можно научить многим знаниям, а старика – нет. И я передал тебе все, что смог. Остальное ты будешь находить сам, если продолжишь учиться. И не вздумай откладывать все на потом. Потому что потом у тебя не останется времени, чтобы выполнить волю Аллаха и отдать людям все то, что ты должен им отдать. Каждый приходит в мир со своей задачей. Садовник растит сад, караванщик путешествует. А ты пришел для того, чтобы распространить волю Аллаха и сообщить людям, что Мухаммад – пророк Его.

Я выслушиваю наставление и думаю о том, что уже не услышу ничего нового. Все это я слышал много раз. С таких наставлений начиналось каждое занятие. И слова эти казались обыденными как журчание ручья или пустынный ветер, пересыпающий песчинки. Но учитель, словно прочитав мои мысли, умолкает.

– Ты сам все это знаешь, – лишь добавляет он.

Он просит воды и, отдышавшись, снова начинает говорить:

– Я рассказывал тебе много чего. И хадисы, и притчи. Но всегда старался как можно меньше рассказывать что-то из жизни Пророка, то, что считается недозволенным. Мы дружили много лет. Вместе ходили с караванами. Делили последний кусок лепешки и последний глоток воды. Мы даже породнились. Впрочем, наша жизнь изначально почти не отличалась от жизни других людей, и только на пороге старости все поменялось.

Однажды в доме Пророка собрались его последователи. Он очень любил принимать гостей, и обычно говорил, что гость является проводником в Райские сады. Каждый мог зайти в его дом с подарками или без них, но в любом случае он встречал радушный прием и обильную трапезу. Конечно, самым интересным в этих собраниях были не жареный барашек или фаршированная тыква – все это было выше всяческих похвал – а долгие умные беседы и мудрые речи самого Пророка.

В тот вечер мы сидели во дворе на деревянном настиле, застеленном коврами с разбросанным там и сям узорчатыми подушками. Нас было немного, все были между собой знакомы, и все были последователями учения Пророка, мир ему и благословение. Происходило все это уже после вечернего намаза, поэтому было почти темно, но в дом заходить не хотелось, и мы продолжали оставаться во дворе, чтобы получить хоть немного прохлады. Хадиджа и Зейнаб постоянно приносили новые подносы с едой и ловко убирали опустевшие. Молча наполняли щербетом кувшины, подносили свежую воду для омовения рук, а потом так же молча и бесшумно исчезали. Хотя на самом деле где-то в тени чутко следили за тем, не понадобится ли что-то гостям. Кое-кто уже поднялся и прохаживался по двору, желая немного размяться. На стене дома были закреплены факелы, наполовину прикрытые металлическими колпаками с прорезанным орнаментом, через который проникал свет. Из-за чего часть двора и белая скатерть казались узорчатыми. Мы могли видеть все, что происходило в их свете, но остальное пространство казалось еще более темным. Особенно мрачными стали деревья и кусты, густо посаженные вдоль забора.

Я тоже хотел подняться, чтобы немного размять ноги, но в это время Зейнаб принесла большое блюдо с хурмой. Это были продолговатые огромные плоды ярко-оранжевого цвета.

Она осторожно, стараясь никого из нас не коснуться ненароком, поставила поднос в самый центр, и тут же отошла. Я посмотрел на поднос. Игра света превратила хурму в расписные керамические сосуды, сложенные горкой, гладкие бока которых под сетью черной тени пылали с одного бока нестерпимо ярким оранжевым светом. Живым светом живого огня. Очарованный этим зрелищем, я на некоторое время выпал из общего разговора и даже перестал слышать голоса окружающих. Вид необыкновенной хурмы вызывал едва ли не трепет. И хотя я понимал, что все это лишь иллюзия, но никак не мог перестать смотреть на нее. И тут случилось что-то странное. Ягода, венчавшая аккуратную горку, вздрогнула, повернулась и скатилась вниз. А потом покатила дальше, словно желала сбежать, но у самого края была подхвачена чьей-то рукой, с пальцев которой свисали четки. Это Пророк, хвала ему и благословение, поймал непослушную ягоду и снова водрузил ее на вершину горки. Тут видение рассеялось, и мне стало стыдно за свою чувствительность. Вместо того, чтобы слушать и внимать божественным истинам, я как сладострастный бездельник любовался формами и изгибами ягод. Может быть, если бы на месте их были танцовщицы, то такое поведение не показалось бы мне глупым. И, наверное, оно не показалось бы глупым всем остальным. И точно, что никто бы из них не спросил меня, как спросили в тот раз: «Абу Бакр, что с тобой? Ты будто грезишь наяву? Ты получил откровение?»

Я принужденно рассмеялся и ответил так же шутливо:

– Красавица хурма свела меня с ума.

– Значит, нужно ее скорее съесть, поэт, – посоветовал Пророк и потянулся к блюду.

Но тут верхняя ягода опять вздрогнула, шевельнулась и покатила вниз. И снова Пророк подхватил ее. Поднес к глазам и застыл, как случалось с ним в минуты бесед с ангелами. Все замерли, опасаясь помешать ему даже слишком громким дыханием. Усман даже палец к губам приложил.

Ягода в руке Пророка, между тем, наливалась цветом, казалось, что она даже светится ярче, чем огонь. Но Пророк не отбросил ее и не стал дуть на пальцы. И тогда я подумал, что мне все только кажется. Я был во власти каких-то иллюзий, и даже видел, как оранжевый плод пульсирует на его ладони словно сердце, только что извлеченное из чьей-то груди.

И тогда он сказал:

– Эта хурма предназначена для мусульманина Джалаладдина, который родится на шестьсот лет позже меня. Кто из вас передаст эту ягоду хозяину?

Мы все – я, Умар, Усман, Али, Билал, мы промолчали, потому что никто из нас и придумать даже не мог, как прожить еще шестьсот лет.

И тут из темноты выступил человек. Я не мог вспомнить, был ли это кто-то из приглашенных. Кажется, я его ни разу не видел. Одежда, в которую он был одет, казалась тоже незнакомой и странной. Среди нас предпочтением пользовались белые, черные и серые одеяния, а этот был закутан в ярко зеленую абу[9] с золотой тесьмой, неуместную в это время года, под которой скрывалась ослепительно белая рубашка. Край абы покрывал голову, являя взору пряди длинных седых волос. На ногах незнакомца сияли расшитые золотом индийские моджари с загнутыми носками – такого же зеленого цвета, как и плащ. По одежде трудно было определить, из какой страны прибыл незнакомец. И его иссеченное морщинами темное лицо, и его седая борода тоже не вызывали никаких догадок.

Человек этот обратился к Пророку, не произнеся положенных формул вежливости и даже не поздоровавшись. Говорил он с сильным акцентом, происхождение которого я тоже не смог определить.

К нашему удивлению, Пророк поднялся с места и спустился с настила на землю. Он поклонился незнакомцу, прижав правую руку с плодом хурмы к груди. Словно желал, чтобы пульсация ягоды передавалась его сердцу.

– Я ждал тебя. Возьми этот плод и передай его мусульманину Джалаладдину Мухаммаду Руми. Ведь его существование через шестьсот лет – подтверждение того, что ислам будет жив и тогда. Я в этом уверен, но мои последователи и ученики тоже должны знать наверняка, хотя сомнение часто посещает их головы, сбивая с пути. Потому что нет в мире человека, которого нельзя было бы переубедить оставить истину и направить по ложной дорожке.

С этими словами он передал ягоду незнакомцу. Тот почтительно принял ее и спрятал в складках одежды. А потом снова отступил в тень, которая сделалась вдруг настолько густой, что я не смог разглядеть, куда он направился или как исчез.

Учитель умолкает, но я, привыкший во всем искать тайный смысл, жду продолжения. Его рассказ не похож на хадис, а больше на сказку из тех, что рассказывают на ночь маленьким детям. Но она без конца, хотя я точно знаю, что каждая сказка должна иметь конец. Чтобы ребенок понял, о чем она и чему учит. Но Абу Бакр молчит, и тогда я спрашиваю сам:

– Муаллим, а что было дальше?

Он приоткрывает глаза:

– Ничего. Я так и не узнал, кем был тот человек и почему Пророк доверил ему это дело. Почему он не выбрал кого-то из нас? А, может быть, в том и был замысел Аллаха? Я ничего не знаю... И не знаю того человека...

Голос его прерывается. Взгляд блуждает, словно он меня не видит или не понимает, где находится. А потом совсем тихо просит позвать к нему родных, чтобы проститься.

Я поклонился и вышел из комнаты, чтобы выполнить его просьбу. И больше никогда не увидел его живым. Только на другой день, когда шел вместе с остальными за его табутом, я понял, что теперь остался совершенно один. Когда я был младше и тоже терял близких людей, меня никогда не посещало такое острое чувство тоски. Тогда все происходило словно бы не со мной, а теперь я стал старше и испытывал чувства гораздо более сильные, чем раньше. Ведь как говорил мой учитель: «Большая мудрость приносит большие страдания». Наверное, я становился мудрым. И понимал не только то, что остался без поддержки – в конце концов, у меня в руках было ремесло, и я уже мог постоять за себя – но меня исподволь начинала занимать и другая мысль: а что, если я стал преемником земной жизни муаллима и теперь должен что-то сделать. Но что? Я вновь и вновь проговаривал в голове наш последний разговор, но никак не мог ухватить истину или получить ответ. Но у меня было впереди еще много лет жизни, хотя мусульманин должен всегда помнить о смерти, но мне не хотелось пока об этом думать. «У меня впереди еще много лет жизни», – повторял я беззвучно, понимая, что ответ найдется сам, или я его найду собственными силами.

Примечания

[1] Хиджра – переселение мусульманской общины под руководством пророка Мухаммада из Мекки в Медину, произошедшее в 622-м году. От Хиджры ведется отсчет в исламском лунном календаре (лунная хиджра), а также в иранском солнечном календаре (солнечная хиджра).

[2] Табут – погребальные носилки в исламской традиции.

[3] Викала (*араб.*) – торговый двор, в котором размещались купцы и их товары, проводились сделки купли-продажи и прочее.

[4] Хадис (*араб.*) – рассказы очевидцев и современников о поступках и словах пророка Мухаммада, затрагивающие различные религиозно-правовые стороны жизни мусульман.

[5] Сулейман ибн Дауд – исламский пророк, третий еврейский царь и правитель объединённого Израильского царства в период его наивысшего расцвета. Сын пророка Давуда (Давида). Отождествляется с библейским царем Соломоном.

[6] Харам (*араб.*) – запретные деяния для мусульман.

[7] Сура (*араб.*) – части (главы), на которые делится Коран.

[8] Аят (*араб.*) – наименьший смысловой отрывок Корана, оканчивающийся рифмой, составная часть суры.

[9] Аба – шерстяной или из грубой ткани плащ с укороченными рукавами.

Глава 2

15-й год Хиджры

Сук аль-ислам, крупнейший рынок в Медине, был похож на огромный гудящий улей. Он начинался у дома молитвы аль-Ид и тянулся до древних могил Бану Саадат, что близ горного склона аль-Вида к северу от города. Это место, называемое Джарар Сад, Посланник, да благословит его Аллах и приветствует, повелел сделать частью рынка, значительно расширив его границы.

Обширное пространство, напрочь лишенное строений и даже навесов, было битком набито разношерстной толпой. Среди чистейших белых одеяний взрослых мужчин то тут, то там виднелись красные камисы[1] мальчишек, еще не достигших совершеннолетия. Среди головных уборов преобладали чалмы, чаще черного цвета, хотя иногда попадались и желтые. Некоторые жители Медины предпочитали бурнусы[2], чем резко отличались от асхабов – сподвижников Пророка.

Торговцы раскладывали свои товары прямо на земле. Среди продуктов особо выделялись горы фиников, мешки с пшеницей, сосуды с молоком и творогом. Чуть далее аль-баззаз предлагали одежду и ткани для различных домашних потребностей. Для лошадей и прочего домашнего скота на Сук аль-ислам был предусмотрен особый отсек, известный как Баки аль-хайл.

Торговцы Медины, когда пришел Посланник Аллаха, были худшими из людей в вопросах меры. Они часто обвешивали и обманывали покупателей, чем наживались на их нужде. Однако ниспосланный Аллахом аят «Горе обвешивающим» заставил их быть более сознательными в этом вопросе.

Пророк нередко сам появлялся на базаре, что-то покупал, общался с асхабами и возносил дуа[3], чтобы их торговля была благодатной. Наряду с этим он вместе с мухтасибами инспектировал рынок. В обязанности проверяющих входило следить, чтобы торговцы не обвешивали и не обманывали покупателей, соблюдали чистоту и не нарушали общественный порядок.

Протискиваясь в разгоряченной толпе, я бросал быстрые цепкие взгляды по сторонам и чутко вслушивался в какофонию звуков. Нищий-сектант мог объявиться где угодно, и я не имел права его упустить.

Накануне вечером Хасан ибн Аббас, мой благодетель и наставник, повелел явиться в его покой.

– Аллах милостив к тебе, Нурислам, – сказал Хасан, и его взгляд проник в самую душу. – Он дарует тебе возможность доказать свою любовь и верность Ему.

– Почту за честь отдать жизнь во имя Всеблагого, – я поклонился наставнику.

– Твоя жизнь в руках Всевышнего, – неодобрительно покачал головой Хасан. – И лишь Он в праве распоряжаться – жить его рабам или умереть.

– Склоняюсь перед волей Аллаха.

Учитель на мгновение прикрыл глаза, складки на его лбу разгладились, а тон смягчился.

– Совет старейшин братства решил, что ты готов к испытанию.

Я продолжал молча глядеть на благодетеля, стараясь сохранять хладнокровие, хотя внутри меня рождались противоречивые чувства.

– В Медине недавно объявился нищий старец. Он ходит по рынку в разгар дня и сеет смуту среди правоверных своими речами. Его грязный язык называет нашего праведного халифа Умара узурпатором, а власть его – незаконной и противной Аллаху. С каждым днем этот лживый пес собирает вокруг себя все больше народа и старейшины опасаются возможных волнений. Тебе выпала честь покарать безумца-еретика, возвысив себя перед ликом Создателя,

и доказав преданность нашему священному долгу. После благополучного завершения дела ты станешь полноправным членом братства – карающим клинком Аллаха.

Я даже перестал дышать, внимая каждому слову наставника.

– Вот твое оружие, – Хасан извлек из-за пояса джамбию в ножнах из темной, местами потертой кожи и протянул кинжал мне.

Я трепетно, с большим почтением принял клинок. Рукоять из слоновой кости, потемневшая от времени, идеально легла в мою ладонь. Я медленно, с замиранием сердца, вытащил джамбию из ножен. Тусклый свет масляного светильника отразился в витиеватом волнистом узоры клинка.

«О, Владыка, да это же аль-димашик!» – словно замороженный, я не мог оторвать взгляд от причудливых линий на темной стали.

– Будь осторожен, лезвие пропитано смертельным ядом, – нарушил молчание наставник. – Достаточно одной царапины, чтобы жертва, терзаемая жуткими мучениями, скончалась в течение нескольких минут.

Мое сердце бешено заколотилось. Я знал, что аль-димашик – это легендарный клинок, изготовленный из чрезвычайно редкой стали, обладающей невероятной прочностью. Но яд – это было уже слишком. Моя готовность к испытанию слегка ослабла, так как никогда раньше я не сталкивался с таким опасным оружием. Если не буду осторожен, то могу стать жертвой своего же клинка. Но это была хорошая возможность доказать преданность вере и самому наставнику. Поэтому я лишь ответил:

– Я буду осторожен, наставник. И не дам ему одержать верх.

Насилу оторвавшись от созерцания кинжала, я аккуратно вложил клинок обратно в ножны и заткнул за пояс.

– Кара Аллаха должна настигнуть подстрекателя прилюдно, чтобы каждый убедился: Всевышний не прощает тех, кто сомневается в наследниках Его Посланника, продолжателях его великой миссии.

Я склонил голову в знак того, что всецело понял и принял наставления Хасана.

– А это, – учитель положил передо мной темный шарик размером с нут, – на случай, если тебя поймают.

Я перевел недоуменный взгляд с горошины на Хасана, ожидая пояснений.

– Мы не можем предать гласности существование и миссию нашего братства. Есть вещи, которые должны оставаться тайной для простого народа. Если поймешь, что тебе не сбежать, и секреты братства будут под угрозой – просто раскуси алмут алфори[4], и Аллах заберет тебя к себе – в Дар аль-мукама[5].

Я шумно, почти со стоном вздохнул, решив зашить пилюлю в ворот риды[6] поближе к горлу, чтобы в случае чего, было легче до нее дотянуться ртом.

– Иди, сын мой, и да пребудет с тобой милость Аллаха! – сказал наставник, давая понять, что встреча окончена.

Запахнув полог покоев Хасана, я направился в уединенную каморку, где, по обычаю, мне следовало провести сегодняшнюю ночь. И уж точно я не мог услышать слов учителя, произнесенных тихо в полном одиночестве:

– Надеюсь мы еще свидимся, мой мальчик... ИншАллах.

Я лежал на жестком матрасе, застеленном покрывалом из верблюжьей шерсти, и тщетно пытался заснуть. Тело и душа трепетали от волнения, которое нарастало с приближением испытания. Три долгих года я ждал этого дня. Мечтал, грезил наяву и во сне, как наставник накидывает на меня риду члена братства и вручает джамбию, изготовленную специально для меня.

Я – карающий клинок Аллаха, разящее копье гнева Его, посланник смерти и ужас грешников! Аллах велик!

Тело словно горело изнутри, жажда поглощала все мысли. Я протянул руку и нащупал в темноте глиняный кувшин. Пил долго и жадно, словно измученный путник в пустыне, наконец добравшийся до оазиса. Насытившись, я откинулся на покрывало, положил руки под голову и погрузился в воспоминания.

После того как Умар ибн аль-Хаттаб совершил погребальный намаз, а тело муаллима завернули в кафан и опустили в могилу в комнате Айши рядом с усыпальницей Пророка, я почувствовал, что внутри меня что-то оборвалось.

Я бродил по улицам Медины не зная, куда идти и что делать, и чувствовал себя потерянным и одиноким.

«Почему, Аллах, ты забрал его у меня?!» – спрашивал я, поднимая глаза к небу. Но небеса молчали.

Опомнился я, слоняясь по рынку, – малолюдному в тот траурный день. Взгляд зацепился за лотки с одеждой и тканями, и я, не задумываясь, приблизился, чтобы получше рассмотреть товар. Мое внимание привлекли шерстяные аба – редкое одеяние среди асхабов. В памяти всплыл образ муаллима, облаченного в свою любимую фадакийю[7], которую праведный халиф носил постоянно, чем выделялся на фоне сподвижников Пророка и был везде узнаваем.

– Ас-саляму алейкум, юноша, – голос торговца застал меня врасплох, вырвав из цепких лап воспоминаний.

– И тебе мир, господин, – рассеянно произнес я, глядя на мужчину, который, казалось, появился из ниоткуда.

Хищные черты лица, орлиный нос, густые вздернутые брови и пронзительный взгляд глубоко посаженных темных глаз придавали ему отнюдь не торгашеский вид. Я несколько раз моргнул, чтобы удостовериться в реальности стоящего передо мной человека.

– Вижу, тебе приглянулась эта аба, – продолжал торговец с известной долей лукавства. – Шерсть лучших верблюдов Аравии, да будет мне Аллах свидетелем! Бери, не пожалеешь!

– У меня совсем нет денег, – смутился я, – простите. Я лишь вспомнил своего наставника, который носил точно такую же фадакийю...

– погоди, неужто твой учитель – сам Абу Бакр ас-Сиддик, да будет доволен им Аллах?

Имя муаллима, произнесенное вслух, заставило меня вздрогнуть и на мгновение погрузиться в пучину скорби. Но голос торговца вновь вернул меня к реальности.

– Твой учитель был великим человеком и, я уверен, Аллах приготовил для него достойное место в раю, – совершенно другим тоном произнес мужчина, пристально глядя на меня, от чего мне вдруг стало не по себе. – Я многим обязан ему, – продолжил торговец после небольшой паузы. – И почту за честь, если ученик праведного халифа согласится принять сей скромный дар в память о своем учителе.

Мужчина протянул мне аба, которую я рассматривал минуту назад.

– Я не...

– О, Всевышний, неужели ты позволишь этому юнцу обидеть почтенного человека?! – то ли в шутку, то ли на полном серьезе воскликнул торговец. – Повернись, я помогу тебе примерить фадакийю, поглядим, как она сидит на тебе.

Не дожидаясь ответа, мужчина с силой развернул меня спиной к себе и накинул на плечи аба. Расправляя складки, он незаметно для меня коснулся пальцем какой-то точки на шее. Я почувствовал, как меня затошнило, и голова закружилась. Мир перед глазами поплыл, а затем и вовсе исчез.

Очнулся я от нежного прикосновения. Два огромных черных глаза взирали на меня с близкого расстояния, вызывая трепет и волнение. Смуглая кожа лица, аккуратный чуть вздернутый нос, красивой формы губы, застывшие в полуулыбке. Пышные темные локоны склонившейся надо мной девы ниспадали на мою грудь, приятно щекоча кожу. Прекрасная незнакомка ласково и неспешно гладила мои волосы, отводя непослушные пряди со лба, и смотрела на меня с таким обожанием и преданностью, что я сильно смутился и заерзал на своем ложе.

– Где й-йя? – еле слышно произнес, отводя взгляд от завораживающих очей красавицы.

Незнакомка лишь загадочно улыбнулась в ответ и неожиданно позвала:

– Амина, неси скорее розовое вино для нашего господина, он пришел в себя!

Едва различимый шорох одежд и в мое поле зрения впорхнула еще одна девица с золотой чашей в руках. В отличие от черноволосой с огненным будоражающим взглядом, Амина выглядела воплощением простоты и скромности. Темно-русые волосы, убранные в косу, открывали безупречно гладкую светлую кожу лба. Длинный ровный нос и выразительные скулы придавали облику девушки некую царственность, а спокойный открытый взгляд серых глаз вмиг смыл чувство неловкости и тревоги в моей душе.

– Твое вино, мой господин, – протянула мне кубок Амина. – Оно придаст тебе сил и прояснит разум.

– Кто вы такие и почему называете меня своим господином? – я принял кубок, однако не торопился пробовать напиток.

– Мы жены, ниспосланные Аллахом за твою праведную жизнь и служение Ему, – тем же теплым, полным нежности, тоном ответила девушка. – Я – Амина, а это...

– Айна, мой добрый господин, – перебила Амину черноокая. – Мы призваны Всевышним, чтобы улаживать твою жизнь, любить и заботиться о тебе, – горячо промолвила красавица.

– Быть верными и преданными спутницами и хранительницами очага твоего, – добавила рассудительная Амина. – Испей же вина, мой господин, чтобы узреть истинный облик этого райского места.

Второго приглашения я не ждал. Сладкие речи и неземная красота этих созданий вскружили мне голову. Опыяненный, я жадно припал к чаше и стал пить вино, надеясь погасить пожар, охвативший мое тело. Вкус вина был для меня неразличим, будто это была самая обычная вода. Однако я продолжал пить, не чувствуя насыщения и не в силах оторваться от кубка. А потом вдруг мое тело стало ватным и непослушным. Я выронил из рук чашу и завалился на спину. Что-то мягкое и теплое приняло мое обессиленное тело. Веки мои вдруг стали невыносимо тяжелыми и закрылись сами собой. Я провалился в абсолютную черноту.

Сознание вернулось ко мне во время прогулки. В сопровождении своих прекрасных жен я шел по удивительной местности. Повсюду – куда ни глянь – изумрудная зелень причудливых растений переливалась в ласковых лучах солнца. Воздух, наполненный новыми, незнакомыми мне запахами, был удивительно свежим. Я остановился и вдохнул полной грудью, прикрыв глаза от удовольствия. «Милостивый Аллах, как же хорошо!»

Джаннат, а девушки уверяли, что мы и впрямь находимся в Райском саду, был поистине исполинских размеров. Мы часами бродили его тропами, наслаждаясь великолепием растительного мира, и ни разу не забрели в одно и то же место.

По пути мы встречали животных, в том числе и хищников, но они не обращали на нас никакого внимания, занимаясь своими делами. Птицы непрестанно заводили свои трели, и поразительно, что все это многообразие голосов выстраивалось в приятную, ласкающую слух мелодию. Воистину, все здесь устроено безупречно согласно воле Вседержителя!

Айна развлекала меня веселыми историями о жизни мнимых праведников, коих постоянно уличали в непристойностях. Мы с Аминой смеялись так, что я думал, нас хватит удар.

Напившись из ручья, мы сели передохнуть. Амина достала саламийю и, лукаво взглянув на меня, приложила к губам. Божественные звуки флейты унесли меня так далеко, что я потерял всяческую связь с этим миром. Я парил высоко в небесах, наблюдая за проплывающими мимо облаками. Воздух, плотный и мягкий, словно вата, удерживал меня словно пушинку. Легкое дуновение ветра укачивало, погружая в сон. Чарующая мелодия саламийи звучала отовсюду: я различал ее в тихом шепоте ветра, и в лучезарном смехе солнца, в притворном ворчании грома где-то далеко на горизонте, и в прохладных каплях дождя, неожиданно пролившегося надо мной.

Я открыл глаза от прикосновения чьей-то мягкой и теплой руки к моей щеке.

Лучший заботой взор Амины нашел мои глаза:

– Трапеза готова, мой господин.

– БисмиЛлях! Да благословит Аллах пищу сию! – прочел я положенный дуа.

Стол был уставлен изысканными кушаньями, ранее мною не виданными. Грозди зеленых и синих ягод свисали из круглого блюда на высокой ножке. Круглые оранжевые плоды излучали приторный аромат, когда девушки очищали их от кожуры. Тонко нарезанные головки козьего сыра в сочетании с орехами и тягучей сладкой жидкостью, которую девушки называли медом, были просто изумительны. Виноградное вино прекрасно дополняло трапезу, расслабляя тело и веселя душу.

Поблагодарив Аллаха за пищу, я откинулся на подушки – сытый и довольный. Девушки вдруг разом уставились на меня, затем переглянулись и Айна, сладко потянувшись, поднялась и по-кошачьи, качая бедрами, неспешно направилась к центру шатра. Одновременно с этим раздались звенящие звуки рика, который вдруг оказался в руках Амины. Девушка стала ритмично стучать в бубен. Тело Аины живо откликнулось на мелодию, и девушка начала танец.

Грациозные плавные движения ее гибкого тела, едва прикрытого полупрозрачной шалью, вызвали во мне доселе незнакомые чувства. Меня резко бросило в жар, сердце забилося чаще, а внизу живота возникло напряжение. Ритм бубна постепенно ускорялся и тело Аины, казалось, связанное с инструментом незримыми узами, тут же подстраивалось. Игриво двинув обнаженным плечом, Айна бросила на меня взгляд. Мне почудилось, будто из-под ее длинных густых ресниц вырвалась молния и поразила меня в самое сердце. Кровь сильнее прилила к голове и низу живота, щеки полыхали, дыхание сперло. Я привстал с подушек и уставился на девушку немигающим взором, боясь пропустить хоть малейшее движение, ловя каждый ее вздох и взгляд. Рик выбивал уже какой-то безумный ритм, Айна кружилась подобно пустынному вихрю – лишь мелькали всполохи ее темных волос и розовой шали.

В следующий миг этот ураган налетел на меня и уронил на подушки. Айна прижалась ко мне своим гибким горячим телом и стала осыпать мое лицо и шею поцелуями. Вдруг девушка отстранилась, сползла с меня и пристроилась справа, лукаво улыбнувшись. Что-то коснулось моей левой щеки. Я повернул голову и поймал взгляд Амины – холодный, величественный и манящий одновременно. Девушка приблизилась и мягко коснулась губами моего лба. В отличие от горячих дурманящих губ Аины, от ее поцелуя веяло свежестью и прохладой. «Лед и пламя», – мелькнула мысль, прежде чем эти божественные гурии целиком заполнили мой разум и тело, вознеся меня на вершины блаженства и неземных наслаждений.

Одному Аллаху известно, сколько дней – а может быть, лет? – провел я в райском саду, вкушая все сладости бытия, о которых только может мечтать человек. Я ощущал себя птицей в руках Господа Миров, которой не нужно заботиться ни о дне насущном, ни тем паче будущем. Телесные и душевные муки были мне неведомы в этом благословенном месте. Прошлая жизнь со всеми ее тяготами и страданиями, радостями и свершениями постепенно стала меркнуть,

растворяясь подобно утреннему туману в первых лучах солнца. Я даже стал забывать себя... Единственное, что имело значение: я есть!

Провалы в памяти, когда я вдруг ловил себя на том, что не помню, как оказался в том или ином месте, либо заставлял себя за действиями, которых не планировал совершать, участились. Но и они не трогали меня... Ровно до тех пор, пока однажды, пребывая в очередном забытии, я не встретился с муаллимом. Его взгляд, как и прежде, лучился добротой и мудростью. А еще он словно прорвал плотину в моей душе и прошлое хлынуло все сметающим потоком, увлекая меня за собой.

– Уч-ч-читель... – горячие слезы потекли по щекам, – Н-но как?

– Аллах милостив, мой мальчик, – Абу Бакр отер соленую влагу с моего лица. – А ты здорово возмужал!

Я глядел на муаллима, не в силах поверить в это чудесное пришествие и даже боялся лишний раз вдохнуть – вдруг наваждение рассеется?

– У нас мало времени, Нурислам, – взгляд и тон учителя резко переменились. – Слушай внимательно и запоминай.

Никогда прежде я не видел муаллима таким – зловеще серьезным. Я кивнул, поежившись от его пронизывающего взгляда.

– Аллах по великой милости своей дал тебе вкусить райских плодов, чтобы не только разумом, но и телом ты знал, что ждет благочестивого мусульманина за порогом смерти.

– Но... разве я не...

– Не перебивай! – грозно прервал меня Абу Бакр, так что у меня волосы на затылке зашевелились. И тут же продолжил совсем спокойно. – Дарующий вскоре призовет тебя обратно в мир, чтобы продолжил ты служить Ему. И даст тебе проводника, который научит и направит, дабы не сбился ты с пути истинного и порадовал Господина нашего. Всемиловитый открыл мне его имя: Хасан ибн Аббас. Повтори, чтобы я убедился, что ты верно запомнил, – муаллим требовательно посмотрел на меня.

– Хасан ибн Аббас, – неуверенно проблеял я.

– Так ты ценишь милость Аллаха?! Четче и громче!

– Хасан ибн Аббас! – от назойливости муаллима я начал закипать.

– Еще раз!

– Хасан ибн Аббас!!! – в сердцах выпалил я, сжав кулаки и зачем-то закрыв глаза.

А когда открыл их, с удивлением обнаружил себя сидящим на ватном матрасе. Рядом валялось покрывало из верблюжьей шерсти. Я стал осматриваться в надежде понять, где же я оказался. Тщетно. Грубые стены, покрытые смесью глины с соломой, одно крохотное окно, сквозь которое пробивались солнечные лучи и плотный темно-синий полог, закрывающий вход – все это я видел впервые в жизни. Рядом с лежанкой стоял ибрик[8] и глубокая емкость для омовения, глиняная кружка и еще несколько закрытых сосудов неизвестного мне назначения.

Только я надумал подняться и выйти на улицу, как полог решительной рукой был отодвинут, и в комнату вошел мужчина. Я ахнул, признав в нем торговца с рынка, который пода-рил мне аба.

– Ты звал меня, Нурислам? – он оскалился словно хищник, отчего по моей спине пробежал холодок.

– Й-йя...

– Ты кричал мое имя, словно муэдзин во время намаза, – расхохотался мужчина. – Неужели не помнишь?

Образ муаллима и его требовательный голос, призывающий меня повторить имя проводника, яркой вспышкой озарили сознание.

– Так ты...

– Хасан ибн Аббас, – опередил меня торговец. – Отныне я твой наставник и покровитель, – мужчина внимательно глядел на меня немигающим взглядом. – Ты готов послужить Аллаху?

Надрывающийся голос с дребезжащими интонациями вернул меня из воспоминаний обратно в шумный, галдящий мир.

– ...да ниспошлет Всевышний кару на головы узурпатора Умара и его приспешников, что отняли власть у Али – брата и вернейшего соратника Пророка, мир ему!

Я решительно пошел на голос.

На небольшом пятачке, свободном от лотков с товарами, стоял нищий в зеленой потертой риде с множеством заплаток, грязно-серой небрежно повязанной чалме, босой и скрюченный. Старец опирался на сучковатую палку, активно жестикулируя при этом свободной рукой.

– Доколе будем терпеть сие бесчестие, вопрошаю я вас?! Или нет среди вас достойных мусульман, преданных рабов Господина нашего? – продолжал выкрикивать старик, срываясь на визг.

Толпа обступила нищего плотным кольцом. Я змеей проскользнул в первый ряд и занял место напротив своей жертвы. На земле у ног старика стояла глиняная миска, куда время от времени кто-то из сочувствующих опускал несколько монет. Я кожей ощущал витавшее в воздухе напряжение – семена нищего, похоже, нашли благодатную почву. Малейшая искра и полыхнет кровавым заревом. Наставник предупреждал, что нельзя этого допустить. Ладонь непроизвольно легла на рукоять кинжала под плащом.

Нищий распалялся все больше, бешено сверкая глазами и брызжа слюной:

– ...да будет Аллах свидетелем, что истину говорю я вам, братья и сестры, и за правое дело стою и стоять буду до самой смерти!

«Недолго тебе стоять, проклятый еретик», – злорадно ухмыльнулся я, шагнув в сторону нищего. Мир подернулся легкой дымкой, лишь ярко-зеленое пятно мишенью застыло перед глазами. Миг назад я стоял среди толпы, и вот я уже в шаге от цели. Старик не удостоил меня и взглядом, продолжая подстрекать народ.

– А вот и твое подношение, – я схватил нищего за плечо и воткнул джамбию аккурат между его ребер, ощутив, как клинок прошил мягкие ткани и пронзил сердце. – Гори в аду, проклятый еретик!

Прервавшись на полуслове, старик раскрыл рот, будто рыба, выброшенная на берег. Смесь ужаса и боли читалась в его взгляде. В попытке устоять нищий судорожно схватился за меня. Отстраненно и безучастно я наблюдал, как мутнеет его взор и жизнь утекает из тела.

Внезапно губы нищего расплылись в улыбке. Глаза перестали безумно вращаться и уставились на меня. Снисхождение и лукавство излучал его взгляд, а вовсе не предсмертные муки. А еще в их глубине я заметил пляшущие зеленые искорки.

– Я уже ждался тебя, Нурислам, отчего ты медлил? – тихим мягким голосом промолвил старик.

– Откуда тебе известно мое имя? – удивился я.

Старец закатил глаза, издав изумленный вздох.

– О, Всевышний, и это все, что интересует тебя здесь и сейчас, на пороге вечности?

– Ты что, совсем ума лишился? Что за ерунду ты несешь?! – я попытался оттолкнуть старика и высвободить свой плащ, который он сжимал цепкими пальцами, но хватка его была железной.

Он уставился на меня так, что душа ушла в пятки: зрачки старца полыхали изумрудным пламенем. Его жуткий нечеловеческий взгляд словно держал меня за сердце, отсчитывая каждое биение.

– Шайтан! – в ужасе воскликнул я, но не услышал звука собственного голоса.

Не в силах больше смотреть в его отвратительное лицо, я отвел глаза в сторону. Пожилой мужчина в белой риде и черной чалме наклонился поднять монету с земли – да так и замер в неудобной позе. А вот мальчуган в алом камисе тянул за плащ рядом стоящую женщину, видимо, пытаясь привлечь ее внимание – и тоже застыл, будто вкопанный. И куда ни глянь – одна и та же картина. Мир остановился в безмолвии, будто некто могущественный щелчком пальцев остановил течение времени.

Я медленно повернул голову в сторону нищего. Выражение его лица совсем не изменилось: все тот же ироничный взгляд горящих глаз и легкая улыбка на губах.

– К-т-то ты? – и снова не услышал произнесенных слов.

– И опять неверный вопрос, – губы старца оставались неподвижными, но его голос звучал в моих ушах. – Абу Бакр воспитал на редкость глупого ученика.

Я уже не удивлялся осведомленности нищего, понимая, что передо мной не человек. Аллах мой заступник, Ему вверяю жизнь свою и склоняюсь перед волей Его...

– Хм, а ты не так безнадёжен, мальчик. Хоть братство и сделало из тебя слепое орудие, но им не удалось погасить пламя любви в твоём сердце. Хвала Господу Миров!

Я все еще не понимал, к чему клонит старец, поэтому просто замер в ожидании.

– Ты спрашивал, кто я? Если угодно, я тот, кто указывает тарикат[9], которым тебе суждено пройти.

С этими словами нищий протянул ладонь, на которой покоилась небольшая косточка от хурмы. Сквозь ее тусклую оболочку пробивались искры, словно она светила изнутри.

– Это аманат[10], вверенный тебе Создателем, – пояснил старец. – Ты должен хранить его пуце жизни и, когда придет время, передать мусульманину Джалаладдину. Такова воля Господина нашего.

– Но кто этот почтенный господин и где мне его искать? – спросил я, раздраженный манерой нищего говорить какими-то загадками.

– Я – лишь указующий путь, а пройти его ты должен сам. Для этого у тебя есть сердце. Всевышний дал тебе сердце: все ответы внутри, нужно только научиться его слышать.

Я осторожно, затаив дыхание, взял косточку и крепко зажал ее в кулаке, чтобы – не приведи, Аллах! – не выронить. От косточки исходило приятное обволакивающее кисть тепло.

– Вахат Макфия... – услышал я неразборчивое бормотание старика, – неисповедимы пути Твои, Мудрейший!

– Ты что-то сказал? – обратился я к нищему, который стоял с отрешенным взглядом, улыбаясь собственным думам.

Взгляд старика тут же стал осмысленным, он лукаво подмигнул мне и, склонившись, прошептал:

– Беги, Нурислам, беги! – и с силой толкнул меня в грудь.

Я отлетел на несколько локтей и плашмя приземлился. Резкая боль пронзила спину, перед глазами заплескали яркие всполохи.

И тут мир ожил, заполняя звенящую пустоту в моей голове. Первое, что я услышал, были изумленные возгласы, переходящие в вопли:

– О, Аллах!

– Он зарезал старика!

– Убийца!

– Хватай его!

В мгновение ока я, непонятно как, вскочил на ноги, с трудом удержав равновесие. В нескольких шагах от меня в луже крови замерло тело нищего. Рукоять кинжала, вся в кровавых отпечатках, торчала у него из груди. Но все взоры были прикованы отнюдь не к этому страшному зрелищу. Толпа глазела на меня. Их ужас, негодование, осуждение, гнев – все это кипело и переливалось через край. А несколько самых воинственных мужчин уже приближались ко мне.

Пульсация аманата в правой руке привела меня в чувство. Краем глаза я заметил брешь в толпе и молнией ринулся туда, позабыв о боли в спине. Смел прочь выскочившего наперерез мужчину, перевернул стоявший на пути лоток с финиками, и нырнул влево, огибая вереницу всадников на верблюдах.

Я бежал так быстро, что временами казалось – вот еще немного и сердце просто выскочит из груди. Тело и разум сделались одним целым, и я со скоростью мысли менял направление и обходил преграды, неосознанно выбирая самый короткий путь. В сознании пульсировала одна мысль: «Выжить!» Не ради себя, но ради великой цели, которую доверил мне Создатель.

Я увидел, что через Северные ворота в город входит караван. Затеряться среди бесчисленного множества людей и животных – было лучшим решением в этой бешеной гонке. Я сбавил темп и быстрыми шагами направился в их сторону. Каких-то пятьдесят шагов – и ловите ветер в пустыне...

Но тут что-то просвистело у меня над головой, и гибкая плеть крепко стянула грудь и плечи, остановив меня на бегу. Рывок – и я оказался на земле. «Сейчас меня до смерти иссекут плетью», – обреченно подумал я. Но это был кожаный хабил, меня просто поймали, как норовистую лошадь. И протащили по земле. Я не мог видеть, кто меня тащит, но когда попытался встать, то следующий рывок вновь повалил меня на землю.

Когда я все-таки сумел поднять голову, то увидел над собой чернобородого бедуина на вороном жеребце, который внатяжку держал этот проклятый хабил, лишая меня свободы передвижения. А другие всадники, тем временем, заезжали с боков, видимо, намереваясь зажать меня в кольцо.

«Зарба!»[1]

И тут передо мной встал образ Хасана, протягивающего мне черную горошину:

«Братство должно оставаться в тени, лучше смерть, чем разоблачение!»

Я потянулся к вороту риды, стараясь сделать это незаметно. И нащупав языком небольшое утолщение, впился в него зубами. Алмут алфори легко смялся под тканью и ядовитые крупцы просочились через редкие волокна, наполнив рот нестерпимой горечью, а сердце страхом.

К тому же, нестерпимый жар опалил ладонь, в которой я сжимал косточку хурмы.

«Передай аманат Джалаладдину», – раздался в голове слова нищего.

Раздираемый противоречиями, я лишь крепче сжал кулаки и выкрикнул в бездонное небо:

– Иду к тебе, Аллах!

Горечь распространилась на весь рот, и я судорожно глотал ее, надеясь на легкую смерть. Яд начал расплзаться по телу, и я чувствовал, как немеют руки и ноги. Следом пришло удушье. Я силился вдохнуть, но комок в горле не давал мне этого сделать. Хотелось разорвать себе горло, чтобы впустить живительный воздух, но руки не слушались. Мелкая дрожь сотрясала тело, постепенно набирая силу. Глаза, казалось, вот-вот вылезут из орбит. Мир закружился и стал меркнуть, пока не погас вовсе.

Примечания

[1] Камис (араб.) – мужская рубаха.

[2] Бурнус (араб.) – плащ с капюшоном.

[3] *Дуа (араб.)* – мольба, прямое обращение к Аллаху. В отличие от намаза произносится в свободной форме на любом языке.

[4] *Алмут алфори (араб.)* – мгновенная смерть.

[5] *Дар аль-мукама (араб.)* – обитель вечного пребывания. Одно из названий рая в исламе.

[6] *Рида (араб.)* – плащ, накидка.

[7] *Фадакийя (араб.)* – аба, которую носил Абу Бакр ас-Сиддик – первый праведный халиф. Название, возможно, связано с местностью Фадак, которая расположена в ста пятидесяти километрах от Медины.

[8] *Ибрик* – кувшин для омовения.

[9] *Тарикат (араб.)* – дорога, путь. Так же назывались и братства суфиев (суфийские ордена).

[10] *Аманат (араб.)* – вверенное на хранение Аллахом или людьми.

[11] *Зарба (араб.)* – не очень грубое эмоциональное восклицание, аналогичное русскому «дерьмо».

Глава 3

595-й год Хиджры

Солнце поднялось уже так высоко, что барханы перестали отбрасывать тень. Скоро она начнет появляться с другой стороны камней и людей, и это будет означать, что день заканчивается. Но до этого еще очень далеко. А пока солнце палило нещадно, словно желало и вовсе сжечь маленький караван из двадцати верблюдов. Но если животные были привычны к таким условиям, то люди, сопровождавшие караван, испытывали на себе все прелести середины летнего дня в пустыне. Тень у барханов узкая и жидкая, но Азиз мечтал хоть бы и о такой, потому что уже два часа испытывал невыносимую усталость и боль в лодыжках. Еще ранним утром он знал, что сегодня они пройдут по самому тяжелому участку пути – по Черным пескам. И хотя он радовался, что до Мерва оставалось всего несколько дней, но передвижение по пескам вызывало муки, от которых конец пути казался намного дальше, почти недостижимым. Грустные мысли – они как камень: повиснут на плечах и тащи их.

Отец говорил, что они прибудут домой через пять дней. Конечно, он не впервые шагнул по этому пути и знает, что говорит. Он же караван-баши и всегда все знает лучше остальных. Его младшие братья – близнецы дядя Хасан и дядя Хусан – тоже шли не в первый раз. Они не так хорошо знали дорогу и пророчили, что раньше, чем через неделю никто никуда не доберется. Но дядья были простыми погонщиками, хоть и вооруженными длинными ножами, поэтому Азиз им не верил, ведь он тоже погонщик, хоть и без оружия. А это значит, что ему и знать положено все то, что знают эти двое.

Конечно, ему всего тринадцать, и это его первый торговый поход. Но ведь он без помех добрался со всеми до Багдада, и живой-здоровый возвращался теперь домой. Если, конечно, во второй раз преодолеет эту пустыню.

Тонкие подошвы кожаных сапог полностью погружались в песок, а он так нагрелся, что казалось, будто прожигает пятки насквозь. Отец шел далеко впереди и вел первого верблюда. Оба дядьки шли в хвосте каравана, и только Азиз топал в середине, ведь ему доверили самый ценный груз – семилетнюю сестренку Айгюль. Она удобно устроилась между горбов верблюда под маленьким шатром. Для нее выбрали самое спокойное животное, и теперь этот сын Бактрии гордо переступал жилистыми ногами. На его морде застыло презрительное выражение, впрочем, как и у всех представителей его племени. Перед тем как сделать шаг, он раздвигал оба пальца на лапе и осторожно опускал ее на песок, при этом вздымая фонтанчик пыли, и Азизу очень нравилось наблюдать за спокойными движениями верблюда, ведь тот, казалось, не чувствовал ни жары, ни усталости.

Самому же Азизу чудилось, что еще немного и он просто упадет и останется лежать среди этих нескончаемых барханов. Невыносимо хотелось пить, но пить нельзя. Иначе солнце начнет выжимать из человека всю воду и тогда можно умереть. Это главное правило в пути – не пить, а только освежать рот водой из тыквы-горлянки, привязанной к поясу. Азиз отвязал горлянку и набрал в рот воды, но не удержался и проглотил ее, противную почти горячую. На зубах закрипел вездесущий песок. Быстроглазая Айгюль тут же это заметила и крикнула матери:

– Ое, Азиз пьет воду!

– Ничего я не пью. Просто промочил рот, – запротестовал мальчик. Он перевязал головной платок так, что остались видны только глаза, закрыв нос, рот и даже брови. Дышать стало тяжело, но хотя б песок не попадал в нос и не оседал на языке. Платок обычно использовали для того, чтобы из-под тюбетейки не стекал пот и не заливал глаза, но он видел арабов-караванщиков, которые повязывались по-другому, вот как он сейчас. Через несколько шагов ока-

залось, что через платок почти не проникает воздух – до такой степени он засалился во время похода. Азиз раздраженно стянул платок с лица и захныкал от разочарования.

Сапарбиби-опа ехала следом за дочерью, укрытая точно таким же многоцветным шатром. Она быстро опустила на лицо волосяную сетку от пыли и выглянула наружу:

– Потерпи немного, сынок. Скоро дойдем до сардоба[1], там и напьешься, и отдохнешь. Я дам тебе яблоко.

Хорошо этим женщинам говорить. Они весь путь проделали как царицы. Азиз тоже хотел бы влезть на верблюда и немного подремать под монотонное покачивание. И съесть это обещанное яблоко в тишине и покое. Но животные тащат тяжелые тюки с товарами, и никто не позволит нагружать их еще больше.

Мальчик представил себе сумрачную прохладу сардоба, куда солнце проникает лишь через маленькое окошко в куполе. Хорошо бы там расстелить курпачу[2] и подремать часок. Но сначала нужно открыть воду, чтобы напоить верблюдов, потом в огромном казане накопить воду для людей, и только после всего можно будет выпить чаю и перекусить лепешкой с вяленным мясом. И сразу же опять в дорогу, чтобы к вечеру дойти до караван-сарая. Нет, не дадут ему отдохнуть.

По обе стороны верблюда, на котором ехала сестренка, тоже висели тюки, но в них находились припасы для их маленького каравана и вода для омовения в бурдюках. Иногда лицо начинало щипать под платком от пота и пыли. Тогда кто-нибудь умывался из своей горлянки, а потом наполнял ее вновь. Мыть руки и лицо полагалось и во время намазов, которые в пути проводились быстро, чтобы не терять драгоценное время.

Весь захваченный горькими мыслями о судьбе младшего ребенка в семье, Азиз продолжал идти, бездумно переставляя ноги, но вдруг почувствовал, как натянулась веревка, привязанная к верблуду, и больно врезалась в ладонь.

Караван внезапно остановился, прервав размышления Азиза. Верблюды встали как вкопанные и одновременно повернули головы в одну сторону, вытянув шеи. Откуда-то раздалось громкое пение птиц и пахло свежестью. Издалека доносились удивленные крики караван-баши и его понукания.

– Что случилось, отец? – крикнул Азиз, стараясь перекричать птичьи крики. – Почему мы остановились? – он озибался в надежде увидеть, откуда доносится птичье пение, но увидел совсем иное.

– Буря идет! – услышал он слова отца и тут же увидел огромное желтоватое облако, закрывшее горизонт. Оно было настолько густое, что даже очертания ближайших барханов исчезли, словно те растворились или слились с небом. А издалека приближались три песчаных смерча, огромных будто джины, черные в центре и темно-коричневые по краям.

Верблюды сорвались с места и со всей доступной им скоростью понеслись в ту самую сторону, куда секунду назад указывали их морды. Люди побежали с ними, не выпуская из рук поводья, которыми управляли животными. Но то, что может верблюд, – не всегда умеет человек. Бежать по песку было трудно. Азиз упал и его протащило еще несколько шагов.

А потом вдруг все остановилось. И когда мальчик поднялся, то увидел, что между барханами расцвел райский сад. Буквально в десяти шагах от него серо-желтый песок резко сменялся на изумрудную зелень весенней травы и начинались заросли какого-то кустарника. А за ним высились огромные чинары с такой густой листвой, что под ними было почти темно. Вот туда, в эту самую зелень, степенно теперь заходили верблюды, и первые из них уже словно утонули в бушующей листве. Птицы сновали в ветвях и пели так громко, что трудно было расслышать что-то еще. Все это было немыслимо, потому что никогда еще на этом месте не было никаких оазисов. Наоборот, это был самый мертвый участок пути, где и скорпиона-то не встретишь.

Азиз обернулся. Три смерча упорно продолжали преследовать караван, и тогда он побежал вслед за всеми в неведомый оазис, в густоту зелени, среди которой там и сям вдруг начали появляться невиданной красоты цветы. Огромные разноцветные и оживленные бесконечно снующими над ними в воздухе шмелями и пчелами.

Как только нога последнего верблюда ступила на траву, так сразу же умолк рев песчаной бури, словно кто-то опустил прозрачную завесу между пустыней и оазисом, по ту сторону которой безумствовали смерчи, крутился песок, способный иссечь тело любого живого существа. А здесь не шевелился ни один листок, ни одна травинка, лишь продолжали распевать птицы, жужжать насекомые и где-то тихо звенела вода, словно выливалась из серебряного сосуда.

Животные чувствовали себя прекрасно и тут же разбрелись, ухватывая по пути травинку-другую. Некоторые устремились в заросли на звук воды, другие уселись на траву, поджав под себя передние ноги.

– Нужно пока снять с них поклажу, – решил караван-баши. – Кто знает, сколько времени нам придется оставаться в этом странном месте?

Он не казался озадаченным или испуганным, чего нельзя было сказать обо всех остальных. Азиз помог спуститься на землю Сапарбиби. Хасан снял со спины верблюда и поставил на землю Айгюль, которая была в восторге от неожиданного приключения. Она говорила без умолку, задавала вопросы, на которые никто не мог ответить, и звонко смеялась, с любопытством разглядывая все вокруг. Остальные молча переглядывались и только разводили руками.

– Пойдемте же, посмотрим, что здесь еще есть, – закричала Айгюль и схватив за руку брата, потащила его по тропинке, ведущей вглубь удивительного оазиса. Они протиснулись между кустов, усыпанных красными ягодами, и вышли к большому водоему из белого мрамора, наполненному прозрачной водой, которая, журча, вытекала из нескольких проемов в стенках. Несомненно, это были природные ключи, питавшие все вокруг. За водоемом открывался вид на цветник, состоявший из одних только роз, благоухающих так, что начинала кружиться голова. А чуть дальше стоял шелковый шатер, блестящий атласными боками в свете солнца. Возле шатра располагался очаг с установленным на нем огромным казаном.

– Здесь живут люди, – удивился Азиз. – Мы пришли в чей-то дом?

– Пойдем поздороваемся, – предложила Айгюль. – Познакомимся.

– А если здесь живет Алмауз-Кампыр[3], которая ест маленьких девочек? – припугнул Азиз. – Вот что ты тогда будешь делать?

– Ну-у-у, – протянула Айгюль. – Со мной же ты. И потом недалеко папа и дядя Хасан, и дядя Хусан. У них есть ножи.

Но ни в шатре, ни вокруг него никого не оказалось. Лишь стояли стопки керамической и серебряной посуды. Да горка углей возле очага.

Они пошли обратно. Взрослые снимали поклажу с верблюдов и складывали тюки на траву. Все были заняты делом, а, как известно, труд отвлекает от мрачных мыслей. Да и какие мрачные мысли могли бы посетить путника в таком благословенном месте?

– И, все-таки, где мы? – не унимался дядя Хасан. – Может быть, мы уже умерли, нас убила буря и теперь мы в раю?

Тут дядя Хусан больно ущипнул его за руку.

– Ай, больно!

– Значит, ты жив. И мы не умерли, а спаслись от смерти. Погляди, в пустыне черно. Так ведь, Карим?

Отец повернулся:

– Мальчики, – сказал он укоризненно, – помогите разобрать вещи, а потом так и быть, я расскажу вам о том, где мы сейчас оказались.

– Расскажи, – обрадовались братья. – Ты всегда был самым умным в семье.

– Потому что я старший. Это место караванщики называют Вахат Макфия. Скрытый оазис или тайный оазис. Он является только тем, кто оказывается в смертельной опасности в пустыне. Ну и, конечно, только тем, – он сделал паузу и многозначительно посмотрел на братьев, – кто является благочестивым мусульманином и никогда не насмехается над старшими.

– Ата, – Обратилась Айгюль к отцу и ее огромные светло-карие глаза с длинными ресницами, казалось, сделались еще больше. – Ата, мы видели мраморный водоем и шелковый шатер. А еще там росли деревья, и на них висели яблоки, гранаты, груши, айва. Но Азиз сказал, что все это может быть отравленным, и тогда мы побежали к вам. Неужели кто-то мог все это отравить?

– Азиз-джан правильно тебе сказал, дочка. Сначала мы должны все проверить. Но посмотри – верблюды до сих пор живы, а ведь они уже успели и попить, и поесть.

Буря все не утихала, хотя заметно стемнело. День клонился к вечеру и поэтому было решено заночевать здесь. И оставаться до тех пор, пока оазис не исчезнет или не отпустит их всех.

– Один день или два, – говорил Карим, – что это изменит? Главное, что все живы.

Стоит ли говорить, что все караванщики неплохо поужинали у шатра? А потом Сапар-биби расстелила курпачи и все улеглись спать, оставив Хасана сторожить шатер. Но ни ночью, ни на следующий день они так никого и не встретили. Вахат Мафия открылся только для них. А это означало, что больше никто, кроме них, на пути в Хорасан в тот день не подвергнулся смертельной опасности. Аллах велик, и сам знает, какие испытания кому посылать, и какие награды кому раздавать.

Наутро, сразу после намаза, Сапарбиби принялась готовить еду, гремя посудой. Было решено выдвинуться сразу после трапезы. Буря, вроде, утихла, хотя все небо за пределами оазиса казалось желтым – пыль еще не осела и упорно висела в воздухе плотной завесой.

Азиз решил в последний раз обойти гостеприимный райский сад, чтобы проститься с ним. Ведь может случиться так, что он никогда снова не попадет сюда. С одной стороны, это хорошо – раз не попадет, значит и опасности не встретит, или же наоборот? Сегодня он спасся, а в следующий раз может и не повезти.

Так размышляя, он вышел к самой кромке песка – той, что была за садом, в дальней части оазиса. Здесь среди ветвей гранатовых деревьев гнездилась большая стая зеленых попугаев, которые ломали тишину своими резкими вскриками. Между высоких стволов бил ключ с чистейшей холодной водой. Вода набиралась в маленькое озерцо, в котором резвились золотоглазые лягушки. И оттуда вытекала дальше, промыв узкий арык в почве. На удивление, арык заканчивался прямо возле границы с песком и казался аккуратно отрезанным. Скорее всего, вода просто уходила под землю, но выглядело это необычно и завораживающе. Поэтому Азиз подошел к самому краю и уже хотел ступить на песок, чтобы рассмотреть получше, но тут неожиданно уперся в стену. Оазис и пустыню разделяла невидимая стена, холодная и гладкая наощупь, но прочная. Азиз надавил на нее, но она не поддалась под напором, и тогда, не отрывая ладони от препятствия, он пошел вдоль кромки, надеясь, что хоть где-то обнаружит проход. Рука легко скользила по невидимой поверхности, не встречая на своем пути никаких зазоров или препятствий.

Он шел очень долго по кругу, потому что оазис казался идеальной окружностью, обошел почти все, и только у самой лужайки, где лежали верблюды, его рука провалилась в пустоту. Это был выход. Но и он был перекрыт какой-то насыпью, на которую вчера никто не обратил внимания. Но, может быть, тогда ее и вовсе здесь не было. Присмотревшись внимательно, Азиз вдруг догадался, что это старая могила – кабр, частично обвалившаяся. В далекие времена она была с четырех сторон обнесена глиняными стенками. Но теперь они осыпались, и жестяной полумесяц, когда-то смотревший в небо, теперь валялся в песке, искореженный и облуплен-

ный. Наверное, захоронение много лет оставалось под толстым слоем песка и только вчера ветер обнажил его. И вот теперь оно предстало глазам испуганного Азиза.

– Мир вам, о лежащие в могилах! Да простит Аллах нас и вас! Вы ушли раньше нас, а мы скоро последуем за вами. – Пробормотал он предписанную дуа.

И испугался еще больше, ведь в хадисе Ибн Аббаса сказано: «Если мусульманин, проходящий мимо могилы своего брата (мусульманина), которого знал при жизни, передает ему салам, то умерший узнает его и отвечает на это приветствие».

Конечно, Азиз не знал того, кто лежит в этой могиле, но мало ли что может случиться. А вдруг его никогда никто не навещал, и сейчас покойник обрадуется посетителю и ответит?

Мальчик осторожно подошел ближе и, вытянув шею, заглянул вниз. Там ничего не было, только песок и все. Но у страха глаза велики: Азизу показалось, что он видит фигуру человека, словно вылепленную из песка. Чем дольше он всматривался, тем четче становилось видение. Как бы он хотел отвести глаза или убежать, но что-то сковывало движения, и он продолжал смотреть до тех пор, пока фигура не шевельнулась, осыпав с себя остатки песка, и на поверхности не появилась рука. Это была обычная человеческая рука с пятью пальцами и с чудовищно длинными черными ногтями, которые выросли настолько, что завивались в спирали. Азиз отшатнулся, и сбрасывая с себя морок, побежал с криками в глубь оазиса к шатру.

– Ата, амаки! – кричал он. – Здесь шайтан!

Вся семья уже сидела за дастарханом[4].

– Где ты был? – удивился Карим. – Иди поешь. Скоро пора выдвигаться, иначе мы никогда не доберемся до дома.

Но Азиз не унимался:

– Говорю вам, там шайтан!

– Где? – начал сердиться Карим. – Ты говоришь глупости. Откуда здесь может быть шайтан?

– Азиз, наверное, увидел песчаного джинна, – пошутила Сапарбиби.

– В могиле, – почти взвыл мальчик. – Там у выхода – могила, а в ней шайтан. Я видел руку – она с когтями.

– Ладно, ладно, – сказал Карим, заметив, что сын готов заплакать. – Сходим, посмотрим, что ты там увидел.

Он позвал братьев, и все трое, вооружившись ножами, отправились ловить шайтана.

Могила они увидели сразу, но как только приблизились к ней, то заметили и какое-то существо, прячущееся за остатками стены. Услышав голоса, существо поднялось во весь рост и теперь молча смотрело на подошедших, не выказывая страха, свойственного дикому зверю. Да и с чего бы? Перед караванщиками стоял человек, и в этом сомнений не было. Длинные спутанные волосы доходили до земли, а на пальцах рук и ног змеились неправдоподобно отросшие ногти. Бледное безбородое лицо, припудренное пылью, тоже не вызывало ужаса, и даже наоборот, симпатию правильными тонкими чертами и спокойным выражением глаз.

– Кто ты? – спросил Карим на тюркском языке.

Незнакомец прищурился, словно сияясь понять сказанное, но потом лишь покачал головой. Карим повторил вопрос по-арабски:

– Кто ты?

– Я – человек.

– Как твое имя?

– Не помню.

– Как ты здесь оказался?

– Не помню.

На каждый вопрос незнакомец отвечал одно и то же все более слабым голосом: «не помню». Он стоял, пошатываясь, словно после тяжелой болезни, и казалось, что каждый ответ отнимает силы, и он вот-вот упадет.

– Карим-ака, – не выдержал Хасан, – ты же не кадий, чтобы вести допросы. Перед тобой стоит голый человек, а ты разговоры с ним ведешь. Гостя нужно принять, привести в порядок, одеть и накормить. А уж потом расспрашивать.

– Ты прав. Накинь на него свой халат. Будь он хоть медждуном[5], а принять надо как следует. А уж потом Аллах решит, что с ним делать.

С этими словами он протянул незнакомцу руку и тот ухватился за нее. Вот так за руку его и привели к очагу в халате, накинутом на голое тело.

Чтобы никого не испугать, Карим крикнул, что ведет гостя. И приказал жене увести Айгюль в шатер, дабы она не узрела неположенное.

В следующие несколько часов Хасан и Хусан прилежно изображали банщиков и бродобреев: остригли длинные волосы и ногти, нагрели воды и помогли вымыться, дали ему чистую одежду. И когда незнакомец предстал перед ними опрятно одетым, с чистым сияющим лицом, они вдруг поняли, что перед ними – мальчишка, ненамного старше Азиза.

– Ребенок, – сказал Хасан.

– Не думаю, что ему больше четырнадцати, – добавил Хусан. – Вот какой это злодей бросает детей в пустыне? Наверное, он отстал от каравана, и никто не стал его искать. Злодеи, что и говорить. Эй, Азиз, мы тебе друга привели.

Азиз выглянул из шатра и запротестовал:

– Какого еще друга? Шайтан – он и есть шайтан. На моих глазах из могилы вылез.

– Остановись, – строго приказал Карим. – Он просто человек. Ну заночевал в старой могиле, а где было еще прятаться от ветра?

– Да ты посмотри, какая белая у него кожа – как брюхо у рыбы, – не унимался Азиз.

И вправду, под шапкой красиво подстриженных волос лицо незнакомца казалось неестественно белым. Загар не коснулся ни кистей рук, ни шеи. Караван-баши счел это странным, но не стал показывать удивление, чтобы не обидеть гостя. Хорошо еще, что тот не понял слов Азиза, а то бы непременно обиделся.

Сапарбиби принесла горячую еду, и хотя гость был явно голоден, но вел себя достойно, ел маленькими кусочками и оставался невозмутимым и спокойным. Насытившись, поблагодарил всех и дал понять, что готов к беседе.

Говорил он грамотно, как ученый человек. Кроме арабского знал еще и фарси, но так и не смог вспомнить ни свое имя, ни то, как оказался в пустыне.

– Ну что ж, – попытожил Карим. – Сегодня всем нужно отдохнуть, а завтра, наконец-то, выдвинемся в Мерв.

– А что будем делать с ним? – спросил Хасан, кивнув в сторону гостя.

– Возьмем с собой. Если не найдутся родные, то будет мне сыном. И раз у него нет имени, то сам назову его.

– Это правильно, – согласилась Сапарбиби. – Дай ему самое красивое имя.

– Какое? Какое тебе нравится?

Сапарбиби задумалась, а потом, тщательно подбирая слова, чтобы не рассердить мужа излишней смелостью, сказала:

– Я всегда думала, что если у меня родится еще один сын, то назову его Бахтияр, что значит – «счастливый». Но у этого мальчика такое светлое лицо, словно луч солнца – «нур»..., – запнулась она, но тут же добавила, – И то, что мы нашли его – это счастье. Счастье для него и, думаю, будет и счастьем для нашей семьи.

– «Совершение благих дел спасает от дурного конца, скрытая милостыня гасит гнев Господа, а поддержание родственных связей удлинит жизнь», – произнес Карим. – Пусть будет Бахтияр. Мне тоже нравится.

На том и порешили.

Я не помню своего имени. Люди, усыновившие меня, дали другое – Бахтияр. И хотя оно звучит странно для моего уха, но мне нравится. Плохо только то, что я никак не могу к нему привыкнуть и часто не откликаюсь на зов. Это невежливо, и я вовсе не хочу обидеть людей, которые так добры ко мне, но ничего не могу с этим поделать.

Не помню я и своей предыдущей жизни, и даже не знаю, сколько на самом деле мне лет. Наверное, я просто сын пустыни – песка и ветра, потому что помню только это, помню четко и могу описать все до мельчайших деталей.

Помню, что появился я в темноте, и первое, что услышал – рев бури и шелест песка, потревоженного ветром. Тогда я еще не знал, что это за звуки и почему они меня окружают, но не чувствовал никакой опасности, наоборот, они меня занимали достаточное время, может быть несколько минут, а, возможно, и часов. Потом я услышал еще один звук. Высокий тонкий голос сказал мне: «Мир вам, о лежащие в могилах! Да простит Аллах нас и вас! Вы ушли раньше нас, а мы скоро последуем за вами». И я сразу понял, что где-то рядом неведомое существо приветствует меня и захотел ответить ему приветствием, но мой рот был крепко стянут какими-то путами. Тогда я попытался пошевелиться и поднести руку к лицу, чтобы избавиться от преграды. Раздался слабый треск разрываемой ткани, и я вдруг понял, что замотан в нее с ног до головы. Ткань была рыхлой и слабой, и расползлась от малейшего движения, и все-таки, чтобы высвободить хотя бы руку, мне пришлось приложить немало усилий. Потом, когда рука была освобождена, провел ладонью по груди и животу, ощутив все ту же ткань и песок, покрывавший ее густым слоем.

В это время тонкий голос вдруг вскрикнул и закричал непонятные слова, из которых я смог различить только одно «шайтан!», и начал удаляться, сопровождаемый быстрым глухим стуком шагов. Я понял, что человек, поприветствовавший меня, куда-то убежал, не подумав даже помочь мне освободиться и встать. И тогда я принялся сдирать путы с лица, не понимая, что же такое мешает моим пальцам сделать это быстро, и лишь когда услышал слабый хруст и боль, то понял, что мешают мне отросшие ногти, один из которых сломался почти у основания. Этим самым обломком я и принялся раздирать тряпье, рискуя расцарапать собственное лицо, и когда сорвал последний клочок, то прямо над собой увидел высокое чуть желтоватое небо. Высвободив вторую руку, я содрал с себя остатки кокона и попытался встать на ноги.

Я увидел, что нахожусь в неглубокой яме, заваленной грудями песка, почти сровнявшего ее с поверхностью. Над ней высились остатки какого-то ограждения, тоже почти разрушенного. Лишь в изголовье сохранилось подобие стенки из нескольких слоев грубых глиняных кирпичей, которые казались совсем ветхими. Но когда я поднялся на ноги и сделал шаг, то что-то сильно дернуло мою голову назад, чуть не свернув шею. Я глянул вниз и увидел, что стою на собственных волосах, которые настолько длинны, что концы их лежат на песке. Это было странно и, наверное, страшно. Но тогда я еще не был готов к сильным переживаниям.

Человек во мне пробуждался медленно, и пробуждение это началось с самых простых ощущений: с боли в затекших мышцах, с жжения в глазах, которые никак не хотели смотреть на мир вокруг, потому что свет был слишком ярким и ослепляющим, со вкуса песка, скрипящего на зубах и со звуков. Причем слух был настолько острым, что, казалось, я мог бы слышать даже скорпиона, ползущего по бархану. Еще я знал слова или вспоминал их. Стоило взглянуть на предмет, как память тут же подставляла мне нужное слово. Вот – бархан, вот – небо, а вот...

Да, конечно же, моя яма, та самая яма, из которой я только что вылез, была чьей-то могилой, а тряпичные лохмотья – саваном. Но я же был жив, а если это так, то почему меня завернули в саван и даже похоронили? Но ответа на этот вопрос у меня не было, не было ответов и на другие вопросы, которые я задавал себе. Зато этот мир был мне знаком, точнее, я сам был единственным незнакомцем в этом мире, все остальное я знал.

Я не мог, конечно, понять почему эта моя могила находится на границе оазиса, и почему-то подумал, что там должны быть люди, которые знают, как и каким образом я очутился в могиле, похороненный заживо, и кто же я на самом деле. Но ведь там могли оказаться и те самые злодеи, что закопали меня. Поэтому, услышав голоса, спрятался за могилой, пригнувшись за глиняными руинами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.